

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ УСТЬ-ОРДЫНСКИХ БУРЯТ



Юрий Викторович ЛАТУШКО,

кандидат исторических наук, младший науч-
ный сотрудник ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: latushko@mail.ru

На примере усть-ордынских бурят автор рассматривает категорию политической культуры. Настоящий очерк — результат полевой работы автора. Однако он опирается и на широкий круг научных и фольклорных источников.

Ключевые слова: политическая антропология, традиционная политическая культура, п. Усть-Ордынский, буряты

POLITICAL ANTHROPOLOGY OF THE UST-ORDA'S BURYATS

Yuriy V. Latushko. Cand. Sc. (History). Junior academic researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok.

The author investigates the category of political culture based on the example of the Ust-Orda's Buryats. This issue is the result of the author's fieldwork. However, it is based upon a wide range of scientific and folk sources.

Key words: political anthropology, traditional political culture, Ust-Ordynsky settlement, the Buryats.

В статье излагается серия сюжетов, составленных в ходе экспедиций в Усть-Ордынский Бурятский автономный округ (УОБАО) (фото 1) в 2007 и 2009 гг. Мы попытаемся придерживаться древней утопии любого учёного-гуманитария (*sine ira et studio*), не забывая при этом предаваться «пиршеству герменевтического произвола» в интерпретации изложенных событий. Что касается объекта, то в центре нашего внимания будет такая неуловимая для многих политологов категория, как традиционная политическая культура (ТПК). Политология подходит к ней как к варианту обычной политической культуры (ПК), что, с моей точки зрения, неверно. Я полагаю, что ТПК — это *привычка к определённому образу мысли и действий в сфере принятия и передачи решений, тесно связанная с культурно-исторической средой общества.*

Политическая культура является предметом исследования разных дисциплин — сравнительной политологии, политической социологии и др. Под ПК понимают часть общей культуры, включающую исторический опыт, память о социальных и политических событиях, ценности,



Фото 1. Памятник на въезде в посёлок Усть-Ордынский (фото автора)

ориентации и навыки, непосредственно влияющие на политическое поведение. Сам термин появляется в XVIII в. в трудах немецкого просветителя И. Гердера. Однако политологические теории на базе данного концепта возникают лишь с конца 1950-х гг. В частности, можно отметить работу американских социологов Г. Алмонда и С. Вербе «Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах» [15]. Им же принадлежит наиболее известная типология ПК: *приходская*, или *местная* (*parochial*), *подчинённая* (*subject*) и политическая культура *участия* (*participant*). Под ПК названные авторы понимали «особый тип ориентации на политическое действие, отражающий специфику каждой политической системы».

Всплеск интереса к анализу политической культуры был вызван крушением колониализма, развитием на Западе молодёжных субкультур, особенно левацкого толка, формированием экологического движения и т.д. — т.е. того общественно-политического фона, который хорошо известен сегодня. Позднее, в 1990-е гг., был ещё один всплеск, вызванный крушением системы социализма. Если говорить непредвзято, то сам концепт политической культуры (в том числе и ТПК: по сути, разница между ними иногда неуловима) сегодня используется лишь для того, чтобы объяснить, почему в странах «третьего мира» проблемы с демократией. Возникает также соблазн объяснить посредством данной категории культурную предрасположенность одних обществ к демократии, других — к авторитаризму. По этой причине, например, постсоветские трансформации легко укладываются в схему, согласно которой существуют

«неотрайбалистские» общества бывшей советской Средней Азии и «плюралистические» общины западной части бывшего СССР (Россия, как всегда, идёт своим симбиотическим путём). Подобное упрощение ущербно ввиду самых разных причин: достаточно взглянуть на политический режим в Белоруссии. Опять же не совсем понятно, почему народовластие возможно только при движении на Запад, если, конечно, не считать, что западные культуры априори синоним прогресса. Однако я вижу в таком подходе в первую очередь методологическую проблему: если за термином скрывается полное непонимание, то сам термин ничего не объясняет. Между тем термин «политическая культура» становится годным конструктом при дальнейшей его детализации. Начинать здесь нужно с «кейс-стади», таким образом, настоящий материал можно рассматривать и с этой точки зрения.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ПРОЕКЦИИ ГЛОБАЛЬНОГО МИРА, ИЛИ «НАРЦИССИЗМ МИНИМАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ»

Антропология — это наука о мелочах и их смыслах, точнее, интерпретированных смыслах. Для того чтобы понять и уловить тонкую семантику смыслов «иной» культуры, нам так или иначе придётся обратиться к типизированным состояниям её бытования. Типизация определённых социальных явлений, в частности, имеет место в различных жанрах фольклора, от мифа до анекдота, которые могут выступать в качестве важных антропологических источников. Любопытно также, что по мере развития общества происходит динамическое изменение структурно-функциональной нагрузки фольклорных жанров. От первобытного мифа творения до волшебной и бытовой сказки можно проследить, как изменяется значение этих жанров в системе социальных смыслов. Мифическая борьба за космос против хаоса преобразуется в защиту родственной группой племён, государством, своей «веры» против «захватчиков», «насильников», «язычников», иногда украшенных мифическими и колдовскими атрибутами [10].

Данная последовательность применима в своей технической части к формированию любых корневых мифологем. И что современный человек не более рационален, чем его предки, становится особенно ясным, когда на поверхность выходят привычные поведенческие горизонты его жизни*. Это заметно чаще всего в кризисных ситуациях. Всплеск поисков этнической идентичности — явление данного ряда. По меткому замечанию Т.Д. Скрынниковой, этничность становится одним из каналов солидарности и идентификации, способным смягчить тенденции отчуждения, механизмом, благодаря которому представители этноса сохраняют

* О том, что человечество движется по пути нарастания рациональности, много писал М. Вебер. Но веберовская рациональность видится нам вариантом интеллектуального Эльдорадо.

социальный комфорт через достижение определённых социальных целей [14, с. 179]. Этому способствуют идеологемы, содержащие опыт осознания своей этнической и культурной самобытности, к которым и прибегает интеллектуальная элита нации.

И если культуру можно рассматривать как метатекст, то нам стоит чаще вчитываться между его строк. Мифологемы сами по себе устойчивы и живучи. Они жёстко детерминируют смысловую матрицу. Ну неужели всем, кто причисляет себя к русскому этносу (здесь и далее мы не ввязываемся в спор о природе этничности с каких бы то ни было позиций: примордиалистских, конструктивистских или инструменталистских), не понятно, что быть дураком плохо? Но мы-то знаем, что Иван-дурак совсем не дурак. Русские не более ленивы, чем немцы, то же относится и к бурятам. Стереотипизация, а точнее стигматизация*, важна для коллективных представлений «о себе других». Да и в повседневном общении мы не обходимся без ярлыков. Мы ранжируем группы людей по социальным ролям, воспринимая человека как символ, а его профессию или семейное положение — как знак. Обратной стороной типизации является апелляция, чаще негативная, к якобы известным характеристикам народа (ленивые, пьяницы, глупцы и т.п.). Данные клише часто используются и в политическом дискурсе. Отметим в этой связи, что политическая культура бурят — часть российской ПК. Этничность же выступает здесь как козырная медиа-карта, которая должна бить все прочие. Сегодня, в условиях единого информационного пространства, все играют по общим правилам, даже если одни апеллируют к державности, а другие к этнической исключительности. Взятая по политическому модулю, этничность есть категория, обслуживающая исключительно интересы элит.

Вместе с тем традиционная политическая культура — понятие более широкое. СССР не существует уже двадцать лет, но ТПК, присущая ему, сильно не изменилась. Даже в ткань легальной политики вплетаются поведенческие стереотипы, которые, подобно «долгой истории», меняются не вдруг. Оттого жива схема «отец-правитель, дитя-народ» и проч.

ТПК всегда имеет культурно-исторический контекст и может зависеть от разных переменных (численность этноса, среда обитания, тип традиционного хозяйства, опыт самостоятельной государственности). При желании этот список можно дополнить и другими параметрами. Эти переменные действуют в разной степени в ходе формирования/изменения ТПК. В ряде работ мы уже пытались разработать методiku такого анализа для коренных этносов небольшой численности без традиции государственности и сравнительно крупных этносов с таковой традицией**.

* Стигматизация — клеймение, нанесение стигмы. В отличие от слова клеймение, слово стигматизация может обозначать навешивание социальных ярлыков. В этом смысле стигматизация — ассоциация какого-либо качества (как правило, отрицательного) с конкретным человеком или группой людей, хотя эта связь отсутствует или не доказана. Стигматизация является составной частью многих стереотипов.

** См., например, Латушко Ю.В. Национально-культурное возрождение в посттрадиционных обществах (проблема качественной и количественной оценки) // Россия и АТР. Владивосток, 2010. № 2. С. 173—183.

ТПК легко встраивается в «большую политику» (при этом академические споры об этничности ещё более усугубляют картину). Практика «нациестроительства» по советской модели стала, осознанно или нет, частью стиля управления чиновников разных уровней. В депрессивных регионах (а большинство этнических районов, за редким исключением, относится к таковым) принадлежность к коренной национальности часто означает бесплатный завтрак для ребёнка [5].

К особенностям российского политического стиля среди прочего относится стремление действовать, совершенно не прибегая к общественной экспертизе и не утруждая себя разъяснениями смысла решений вла-



Фото 2. Директор средней школы с. Булуса Я.Д. Башелханов (фото автора)

сти. Это справедливо, например, в отношении полуправды в случае слияния ряда субъектов федерации. На местах подобное слияние воспринималось как процесс ликвидации национальных автономий великодержавными шовинистами из Москвы, а не оптимизация системы управления и оздоровление экономической ситуации. Взгляды на эту проблему среди местного населения различны. Опасения, что в результате слияния субъектов у коренных жителей отберут землю, разделяли далеко не все. Дело здесь в том числе и в особом понимании права собственности на землю. В ходе беседы с директором средней школы в с. Булуса Эхирит-Булагатского района УОБАО Яковом Даниловичем Башелхановым (фото 2) я был поражён услышанным именно в силу знакомой логики: «Ну, даже если кто-то купит [землю], он что, возьмёт эти гектары и увезёт на себе?

Эта земля всегда будет, она остаётся. Я так понимаю» [2]. Эту логику я впервые уяснил на примере народа маори. Когда англичане в XIX в. скупали у них землю за двенадцать топоров, коренные жители Новой Зеландии даже смеялись над ними, не понимая, как же можно «увезти с собой землю» [9].

То, что этничность есть политический ресурс, понятно, но отменить такую форму идентичности приказом также нельзя. Корифеи антропологии часто выступали адвокатами традиционных культур, но они же являлись и заложниками своей профессиональной позиции. Уловить эмпирически единство и борьбу противоположностей сложно: начинаешь видеть либо борьбу противоположностей (и тогда не избежать культурного релятивизма разных оттенков), либо их единство (с его телеологическим прогрессизмом и всепобеждающим урбанодемократизмом). Скажем, глобализация и глокализация — процессы взаимообусловленные. Но одни исследователи справляют в этой связи поминки по этносу, а другие ловят первых за руку, заявляя: «Ирония ещё и в том, что западные учёные шлифуют теории глобальной интеграции в тот самый

момент, когда „новый мировой порядок“ рассыпается на множество локальных сепаратистских движений, марширующих под знамёнами культурной автономии» [13].

Возрождение этнических и национальных культур на фоне процесса глобальной экономической кооперации и стандартизации образа жизни можно образно назвать, по меткому определению З. Фрейда, «нарциссизмом минимальных различий», а можно считать естественным процессом дифференциации и специализации, через который проходит любая социальная система в результате своего усложнения и роста. Представленное в таком виде этническое возрождение будет одновременно как следствием, так и необходимым условием функционирования современной мир-системы.

ЭТНИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ: УСТЬ-ОРДЫНСКИЙ ГЕОТОП

Моя родина там, где мой послед.
Бурятская поговорка

Общая информация об УОБАО есть в любом справочнике. Здесь важно помнить, что разделение бурят на западных и восточных старше сталинских экспериментов, поделивших некогда единую Бурят-Монгольскую Республику на пять частей, причём три из них получили статус национальных автономий разного уровня (УОБАО, Агинский Бурятский автономный округ, собственно Республика Бурятия). Западные буряты раньше других групп бурятского народа стали контактировать с русскими. Впоследствии территория их расселения и быт трансформировались сильнее, чем у восточных собратьев. Особенно остро процесс обезземливания в результате оттеснения пришлым населением ряда локальных групп из Приангарья и Прибайкалья коснулся балаганских и нижнеудинских бурят. В религиозном плане у западных бурят ламаизм не получил такого распространения, как на востоке. Эти различия объективны. Интересно, что общепурятская «гэсэриада» также имеет ряд локальных, причём порой существенных, различий. Так, небесные духи или божества (тэнгри) делятся на 55 добрых западных и 44 злых восточных [1, с. 421]. Но вот у кударинских бурят (р. Селенга), живших на востоке, злыми являются западные тэнгри. Это говорит о том, что локальная дифференциация произошла достаточно давно.

Следует сказать, что бурятский этнос стал активно формироваться именно в период вхождения бурятских земель в состав России. Это обычный процесс консолидации близкородственных групп в ходе контактов с пришлым населением. В результате начинает осознаваться тесная связь

между территорией обитания и народом, что подтверждается и результатами опросов. По данным А. В. Бильтриковой, при ответе на вопрос: «Что в первую очередь ассоциируется у Вас с нашим бурятским народом?» — выстраивается следующая иерархия: 1) место, где я родился — 66%; 2) наша земля, территория — 63,2%; 3) язык нашего народа — 60,4%; 4) наше прошлое, наша история — 55,2%; 5) наша религия — 44,4%; 6) душевные качества народа — 42,5%; 7) государство, в котором я живу — 22,2% [цит. по: 14, с. 180].

Этническая география часто становится разделом географии политической. Одно дело, когда речь идёт о базовых витальных категориях, и здесь мы говорим о глубоких биологических корнях территориальности, и другое, когда мы рассматриваем политические карты. Здесь посредник (карта) обретает силу диктатора, и вот мы уже начинаем жалеть не о разорванных государственными и иными границами родственных связях, а об уменьшении соответствующего цвета на карте. Последнее есть продукт мифологии, которая, паразитируя на биологической территориальности, творит политические смыслы.

Известно, что к экономике можно подходить с разных позиций. В силу ряда причин в нашем обществе худо-бедно усвоили несколько марксистских постулатов о базисно-надстроечных отношениях. Но производство и производственная культура — скорее не отдельный базис, а ткань социальных отношений. Обменные процессы (ресурсами, идеями, энергией и т.д.) могут протекать по-разному, а престижная экономика часто играет важную роль и в современных социумах. О том, насколько традиционна жизнь современных усть-ордынских бурят, свидетельствует и тот факт, что полукочевой образ жизни (не говоря уже о кочевом) ушёл в прошлое. Сегодня практикуется в основном стойловое содержание скота, перекочёвок с летников на зимники почти нет [4]. Начало процессу было положено ещё в советское время. В период распада СССР и особенно сразу после него к изменению организации труда добавилось катастрофическое падение численности общественных стад. Так, в 1991—2000 гг. численность крупного рогатого скота в общественном фонде УОБАО упала с 184 920 голов до 52 117 голов соответственно, при этом в личных подсобных хозяйствах за тот же период наблюдался крайне небольшой рост (3%) [12, с. 13—17].

Трансформация системы хозяйства происходила вместе с изменением всего жизненного уклада. Так что сегодня некоторые усть-ордынские буряты, живя на селе, не могут освежевать барана. Выстраивается и своя иерархия пространства и времени. Геотоп превращается в концентрические круги, сходящиеся к центру УОБАО, которым в экономическом плане сегодня выступает не посёлок Усть-Ордынский, а город Иркутск. Привилегированными являются районы, которые ближе всего к этому центру. Нетрудно предположить, что здесь рыночно ориентированное товарное производство будет более развитым со всеми вытекающими последствиями.

ОБ ОБОРОТНЯХ И РАЗМЕРАХ ЭПИКАНТУСА НЕКОТОРЫХ ГРАЖДАН РФ

Абай Гэсэр-малыш
Облик свой изменил —
В чёрного ворона обратился.
Абай Гэсэр Могучий

Антропологу ни в коем случае нельзя удивляться. По крайней мере там, где этого делать не следует. В этом пришлось убедиться в ходе разговора с председателем шаманской организации «Сахилган», которая поведала, как глава администрации округа насылал порчу на своего зама, так что потом последнего лечили у знахарки, считавшей, что глава округа делал это в обличье чёрного кота.

Мифологема чёрного кота — явное заимствование, но интересен сам мотив. В полиэтнической среде фактор внешних различий (от фамилии до внешнего облика) играет важную роль зримого маркера. Глава округа — русский, его замы и главы улусов — в основном буряты*. Этот сюжет интересен сам по себе с разных точек зрения. Здесь и древний мотив оборотничества на новый лад (у нас в стране оборотни, кстати, ещё и в погонах бывают), и живучесть традиционных стереотипов в восприятии власти, а точнее, персоны, облечённой властью. Ещё М. Вебер подметил, что для традиционного типа сознания характерны конкретность и образность мышления, вера в существование сверхъестественных сил, которые находятся вне реального мира и в определённых обстоятельствах могут вмешиваться в отношения между людьми или карать их силами природы. Чтобы обеспечить психологически комфортное существование, традиционный человек создаёт мифологическо-ритуальную идеологию, призванную магическими средствами поддержать природную и социальную гармонию [цит. по: 8, с. 71].

Вообще, тот «парад суверенитетов» и взрыв этнонационализма, которые пережил развалившийся Советский Союз, ещё ждёт своих исследователей среди специалистов разных направлений — от историков до психиатров. Страшно, что сегодня некоторые люди продолжают играть с опасными химерами такого рода. В листовке против ликвидации округа в ходе его слияния с Иркутской областью читаем такой пассаж военного пенсионера М.: «Ликвидация бурятских автономий оттолкнёт бурят, а одnorасовый, единоверный (NB! — Ю.Л.) Китай „нас примет радостно у входа“». Далее ход мысли таков: не обижайте бурят-монголоидов, рядом есть китайцы-монголоиды [11]. Подобного рода бытвой расизм, конечно, не вина исключительно бурятского народа — это

* Конечно, есть здесь и лукавство. Например, в бывших колхозах, а ныне аграрных предприятиях округа часто встречалась картина, когда председательствуют буряты, а в сезонных работниках ходят «лица славянской национальности».

естественный фон (по аналогии с радиацией), а «заслуга» ряда гореполиттехнологов и политических активистов в том, что они, на нём паразитируя, многократно его усиливают.

Из истории известно, что игры в евгенику заканчивались установлением фашистских диктатур и большой кровью, а наша страна хотя и победила внешний фашизм, столкнулась с ростом ксенофобии у себя дома. Толерантность надо воспитывать, это много сложнее, чем культивировать бинарную оппозицию «свой-чужой» по принципу расовых, этнических и иных различий. Слишком они очевидны. Известно, что эти маркеры эксплуатируются и самими представителями этнических групп и диаспор для сохранения собственной групповой идентичности. Так, афроамериканцы часто обращаются друг к другу (особенно в молодёжной и криминальной среде, где организационная иерархия имеет первостепенное значение для существования группы) словами «нигер» или, напротив, «снежок». А среди приморских корейцев я несколько раз слышал обращение «здорово, узкоглазый» или «привет, жёлтый». Но здесь надо быть предельно внимательным и осторожным. Чем больше будут (особенно в квазинаучных целях) обсуждаться размеры эпикантуса некоторых наших соотечественников, тем скорее мы получим погромы и газовые камеры.

РЕЛИГИЯ И ВЛАСТЬ. «ВЕРТИКАЛЬ ВЛАСТИ» ЧИНГИСХАНА

«Если не сможешь кобылу превратить в жеребца,
то как же хочешь превратить бурята в русского?»

Бурятская бытовая сказка

Современная религиозная картина округа весьма пестра и интересна. Духовный вакуум конца 1980-х — начала 1990-х гг. был заполнен удивительно эклектичным содержанием квазитрадиционных обрядов и верований. Как многие бывшие партаппаратчики потянулись к алтарям православных храмов (в народе их стали называть «подсвечниками»), так и местная элита вспомнила о шаманизме или (в меньшей степени) ламаизме своих предков. И вот уже ни одно мероприятие не обходится без связки «представитель администрации — шаман или лама». Чиновники часто присутствуют на разных обрядах. Просматривая подшивку «Эхирит-Булагатского вестника» за последние 10—15 лет, нередко можно увидеть заголовки такого рода: «Хозяин Ольхона принимал гостей», с подзаголовком: «В минувшие дни у подножия горы Ехе Ерл». Из статьи явствует, что в этом священном для бурят месте состоялся молебен шаманов Ольхона и Усть-Орды, на котором присутствовали почётные гости — мэр, заместитель губернатора и др.

Наша задача в рамках политантропологического дискурса — указать на тесную связь власти и культа, причём власть культа зачастую много лучше, чем культ власти.

Ныне в Усть-Ордынском есть шаманы, дуган и православная церковь. Однако шаманизм возродился здесь в специфических неотрадиционалистских формах. Местные шаманы в основном занимаются знахарством и довольно либеральны в проведении обрядов и соблюдении ритуалов. Интересно и то, что многие усть-ордынские буряты в случае несчастья, болезни и т.п. идут сразу к шаману, ламе и православному священнику — на всякий случай, для усиления эффекта и по принципу «какая-нибудь из высших сил да поможет». Кроме того, как стало ясно из разговора со служителями местной православной церкви (открытой в п. Усть-Ордынский в июне 2007 г.), приход регулярно посещают и около десятка бурят. А ведь православная церковь ассоциировалась именно с религией русского населения, так что в известной бурятской бытовой сказке крещение бурята (читай: превращение его в русского) сравнивается с превращением кобылы в жеребца. Сегодня в УОБАО религиозная жизнь сродни той, что можно наблюдать везде в России: назовём её эклектичной. Шаманизм возможен и без жертвоприношений [2], православные отмечают шаманские праздники. Так, в ходе беседы с Надеждой Ивановной Хамагановой, прихожанкой православной церкви, у которой муж — бурят, мы несколько раз слышали упоминания о «наших шаманистских праздниках», которые отмечаются и православными [6]. И наоборот, буряты отмечают Рождество, Троицу, Пасху, Ильин день, Петров день и т.д. Однако по мнению некоторых усть-ордынских бурят, смысл праздников (как традиционных, так и православных) сегодня в известной степени утрачен и состоит чаще всего в лишнем поводе выпить [2]. Разумеется, это не так. Но с культурой питья проблема почти в любом уголке России.

Взаимодействие различных церквей и религиозных верований в УОБАО имеет и местную специфику. Его стоит признать толерантным. Это простая необходимость, вытекающая из духовной синкретики. Фраза «наши шаманистские праздники» из уст этнически русской прихожанки православной церкви свидетельствует именно об этом.

Что касается ламаизма, то он возрождается при самом активном участии лам из Улан-Удэ. И ранее среди западных бурят ламаизм имел сравнительно меньшее распространение, чем среди восточных. На въезде в посёлок Усть-Ордынский недалеко от дороги расположен небольшой дуган (фото 3). Нам удалось побеседовать с одним из служителей — Шагдаром (в миру Вячеслав). Дуган открыли в 2006 г. стараниями улан-удинцев. Местная власть в целом помогала тем, что не препятствовала его открытию. До этого предпринимались попытки открытия разрушенного в годы советской власти дацана. Во дворе храма первое, что бросилось в глаза, — аккуратный заборчик, огораживающий коновязь (предмет шаманистского поклонения). На вопрос, откуда это, Шагдар, лукаво улыбаясь, заявил, что коновязь была здесь всегда. Далее из разговора стало ясно, что местные шаманы и ламы тесно сотрудничают и помогают друг другу. В день



Фото 3. Дуган в п. Усть-Ордынском (вверху) и коновязь (внизу) (фото автора)

в дугане на утренних и вечерних службах (хуралах) обычно бывает 5—6 посетителей, число которых значительно увеличивается во время ежегодных очистительных обрядов [7]. Прихожанами в основном являются люди старшего поколения. Распространено мнение, что современная бурятская молодёжь нацелена на материальные ценности, а старшее поколение — на семейные и духовные. Используя терминологию М. Мид, можно говорить о переходе от постфигуративной формы существования культуры к префигуративной. Но, думается, ответ здесь не так очевиден. Трудно утверждать, что человек не разделяет семейных ценностей (которые, кстати, также в значительной степени вариативны), по крайней мере до того момента, пока он не создал собственную семью. То есть речь здесь идёт скорее о кризисе ценностей семьи ориентации, а не прокреации.

Дуган, помимо всего прочего, служит центром, в рамках которого организуется жизнь землячеств — агинцев, качугцев и др. Агинцы вообще выступают в глазах многих бурят УОБАО своего рода эталоном возрождения и сохранения традиционного жизненного уклада бурят. Показательны высказывания такого рода: «В Аге-то вообще культура, ну, вы знаете. Там у них водкой ничего уже не делают» [2]. Кроме того, считается, что корпоративные, взаимопомощи и прочие связи среди агинцев сильнее.

Местная власть принимает во внимание духовные традиции населения. На уровне Иркутской области в штате губернатора работает специалист, через которого осуществляется работа с бурятскими диаспорами области. Посредством возрождения традиционных праздников (современной традиции проведения Сур-Харбана уже десять лет) в УОБАО пытаются привить позитивные ценности молодому поколению и т.д. Интересно и то, как трансформируются базовые категории властных отношений на низовом — семейном и территориальном уровне. Сразу отмечу, что исследовать изменение семейной организации, гендерных стереотипов и пр. с данной точки зрения чрезвычайно важная задача. Но это предмет отдельной работы, которую ещё предстоит провести.

У заместителя главы УОБАО Розы Иннокентьевны Дамбуевой (фото 4), которой мы нанесли необходимый визит с целью самопрезентации, нам был оказан радушный приём. Обстановка её кабинета была стандартной: компьютер, мебель, портрет президента. Началось всё с небольшой паузы, когда необходимо было решить, в какой последовательности рассадить гостей. После секундных колебаний по правую руку Роза Иннокентьевна предложила присесть руководителю экспедиции — профессору Н.Н. Крадину, по левую — нашему помощнику (местному жителю), а мне, как человеку, фиксировавшему протокольное событие на камеру и не отягощённому титулами, разрешили постоять. Можно не придавать этому факту особого значения, но во многих культурах, в том числе и бурятской, место справа отводится уважаемым гостям [1]. Такие вопросы всегда имели не только протокольное значение*. В результате нам было

* Почему-то вспоминается почти легендарная фраза первого президента России Бориса Николаевича Ельцина: «Не так сидим», после которой состоялись известные перестановки в правительстве России.



Фото 4. В кабинете у заместителя главы администрации УОБАО Р.И. Дамбуевой (фото автора)

оказано информационное содействие, а по итогам работы у нас состоялась встреча с журналистами.

Как видно из контент-анализа, местная пресса («Эхирит-Булагатский вестник», «Панорама округа» и др.) чётко реагирует на политическую конъюнктуру в стране. Выясняется, например, что местное руководство давно вынашивало идею укрепления вертикали власти и поддерживает начинания Президента на практике. Причём на местном уровне идея эта превращается в идею упразднения выборности глав районных администраций, так как «местное самоуправление не подкрепляется бюджетной самостоятельностью». Важно, что постепенно происходит переоценка стиля управления. Это особенно заметно по изменению отношения к такой неоднозначной в российской истории фигуре, как Чингисхан. К примеру, директор одной из сельских школ отмечал, что Чингисхан прежде всего был умелым организатором и поэтому является хорошим примером для подражания. Кроме апелляции к славному наследию Чингисхана, вспоминают также и хуннского шаньюя Модэ (Модон-батор), известного тем, что он казнил тех из своего окружения, кто советовал отдавать пустынные земли китайцам. Здесь мы видим нормальный процесс поиска «корней», в том числе и в стиле управления. Местный представитель спецслужб, бурят, заметил как-то, что научная экспедиция неправильно проводит анкетирование среди местного населения, так сказать, без учёта местных реалий. По его меткому определению, Усть-Орда — это «маленькая Средняя Азия», и вместо того, чтобы ходить и расспрашивать каждо-



Фото 5. Символы власти.
Посёлок Усть-Ордынский (фото автора)

го сельчанина в отдельности, нужно было дать распоряжение по линии администрации «согнать» всех на площадь и раздать анкеты.

Подобный поиск сопровождается удивительной смесью символов и атрибутов прошлой и нынешней эпох. На главной площади перед администрацией, расположенной, как и положено, на улице Ленина, стоит памятник Владимиру Ильичу, из-за его спины выглядывает двуглавый орёл, над которым где-то выше реет российский триколор и флаг округа (фото 5).

Правда, везде имеются свои особенности. В частности, в Усть-Ордынском нам довелось услышать интересную историю. Суть дела в организации референдума по вопросу объединения с Иркутской областью. Главам районных администраций было предложено организовать сбор подписей в поддержку объединения. Цифры оказались внушительными (при том, что многие жители УОБАО в личных беседах выражали как минимум непонимание того, в какую сторону изменится их жизнь после объединения с областью, а часть откровенно выступала против, опасаясь передела собственности) — свыше 90%. Однако в одном из районов за объединение проголосовали 101% [3]. Видимо, идею одобрили в списочном порядке и некоторое число усопших жителей района.

Часто к власти относятся иррационально, воспринимая её как личностную связь между правителем и управляемыми. А ведь это и есть то самое веберовское «традиционное господство», основанное на личностном характере отношений власти, где взаимодействие между правителем и его помощниками строится не на служебном долге и деловой компетенции, а на личной преданности господину. Это черта российской политики, в том числе. Как говаривал Оскар Уайлд, лучший способ побороть дурную привычку — поддаться ей. Думается, что только так диалектически и надо мыслить в нашей ситуации, в том числе при выработке решений по организации системы управления на местах. И здесь давно пора заняться серьёзным (!) научным анализом. Впрочем, я полагаю, что пока это и есть самая большая утопия, о чём и шла речь в начале статьи.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Абай Гэсэр Могучий. Бурятский героический эпос. М.: Восточная литература, 1995.
2. Беседа с Я.Д. Башелхановым 05.07.2007 // ПМА, Усть-Ордынский бурятский автономный округ, июль 2007.
3. Беседа с И.П. Олзоевым 07.07.2007 // ПМА, Усть-Ордынский бурятский автономный округ, июль 2007.
4. Беседа с Л.Г. Тагешкиновой 05.07.2009 // ПМА, Усть-Ордынский бурятский автономный округ, июль 2009.
5. Беседа с М.Г. Тэминой 20.10.2007 // ПМА, Николаевский район Хабаровского края, октябрь 2007.
6. Беседа с Н.И. Хамагановой 07.07.2007 // ПМА, Усть-Ордынский бурятский автономный округ, июль 2007.
7. Беседа с Шагдаром (Вячеславом) 11.07.2009 // ПМА, Усть-Ордынский бурятский автономный округ, июль 2009.
8. Крадин Н.Н. Политическая антропология. М.: Ладомир, 2001.
9. Малаховский К.В. История Новой Зеландии. М.: Наука, 1981.
10. Мелетинский М.Е. Миф и историческая поэтика фольклора // Электронный ресурс. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky4.htm> (дата обращения 10.11.2007).
11. Мы против ликвидации округа и очередного обмана граждан России // Агитационный материал. Отпечатан на средства депутата Думы МО «Усть-Ордынское» В.К. Алексеева. Без указания издательства.
12. Олзоев И.П. Некоторые вопросы кормопроизводства в Усть-Ордынском бурятском автономном округе // Пути использования заброшенной пашни в Приангарье. Иркутск: ПолиграфПресс, 2000.
13. Салинз М. Прощайте, печальные тропы. Этнография в контексте современной мировой истории // Альманах «Восток». 2004. № 7(19).
14. Скрынникова Т.Д. Культура в языке дискурса национального возрождения бурят // Этносоциальные процессы в Сибири / под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2003. Вып. 5. С. 178—183.
15. Almond G., Verba S. The civic culture: political attitudes and democracy in five nations. Princeton Univ. Press, 1963. 375 p.